ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Сергей САМАРОВ

ИДЕАЛЬНЫЙ СИЛОВИК

Сергей Васильевич Самаров
Идеальный силовик
Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954915
Идеальный силовик: серия «Спецназ ГРУ», Сергей Самаров: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61586-5

Аннотация

В Москве в течение нескольких дней убиты член Совета Федерации от Чечни и подполковник ГРУ. Согласно оперативным данным организатором убийств является некто Нуцалханов – ближайший сподвижник влиятельного полевого командира Абдулмалика Валидова, а исполнителем – женщина-киллер по прозвищу Валькирия. Для ликвидации преступников принято решение внедрить в банду Валидова секретного агента. Силовики считают, что идеальной кандидатурой на эту роль является двоюродный брат полевого командира – старший лейтенант ГРУ Гази Валидов…

Содержание

Пролог 4
Часть первая 26
Глава первая 26
Глава вторая 58
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Сергей Самаров
Идеальный силовик

Пролог

1

Этот небольшой ресторан с простеньким названием «Деревенский дворик» считался очень даже неплохим среди множества других подобных заведений Москвы, несмотря на свою вполне приличную скромность и незатейливость. И совсем не дорогим. Может быть, потому что сюда не часто заглядывали скандально известные люди из московского бомонда, а во-вторых, посетители обычно были более простые, не стремящиеся показать себя кем-то из ряда вон. Да и еда здесь, пусть и без броских изысков, но вкусная. Шеф-повар тетя Маруся была достопримечательностью ресторана со своей чисто русской кухней, в которой принципиально не использовались испорченные продукты.

И уж совсем редко сюда заглядывали посетители на черных «Майбахах», привыкшие к ненужным изыскам. Кроме одного. Мужчина лет пятидесяти, немногословный и властный, ужинал здесь регулярно уже в течение полугода и с удо-

вольствием ощущал уважение, оказываемое ему обслуживающим персоналом. При всей скромности заведения его хозяева, наверное, все же мечтали о большей популярности именно среди сильных мира сего, которых в Москве с некоторых пор пруд пруди. Кто этот человек на черном «Майбахе», в ресторане не знали, звали его между собой «чеченцем», а однажды кто-то обронил слово «сенатор», и оно тоже прилипло к этому постоянному клиенту.

Ужинал он всегда один и всегда за одним и тем же столом. А за соседним столом через проход, сидя лицом друг к другу, чтобы контролировать пространство с двух сторон, слегка закусывали и выпивали по традиционной бутылке минеральной воды или по чайнику зеленого чая два крепких высоких охранника, выставляющие напоказ свои большие пистолеты. Если охранники из тех самых пресловутых кавказцев, то они очень любят выставлять напоказ оружие, и это, как правило, АПС [1]. На Северном Кавказе большая мода на такие мощные пистолеты, уже снятые с вооружения в армии. Вот и у этого «чеченца» охранники именно такие, что не потерпят соперничества со стороны высоких профессионалов ФСО [2]. Хотя, думается, «сенатору» не трудно их и в ФСО на службу устроить. Главное, чтобы он охране доверял.

Чеченец, в отличие от многих своих земляков, устроившихся в русских городах, всегда вел себя прилично. Прав-

---

[1] АПС – автоматический пистолет Стечкина.

[2] ФСО – Федеральная служба охраны.

да, выпивал довольно много, но голову имел, должно быть, крепкую, и со стороны никто не сказал бы, что он пьян. Видимо, сказывалось то, что чеченец из «Майбаха» всегда хорошо закусывал.

В тот вечер «штатный» гость ресторана был особенно оживлен. Он даже официанту несколько приветливых слов сказал, и глаза его горели непонятным блеском. А потом вдруг велел официанту отнести от него бутылку шампанского двум молодым женщинам, сидящим за столиком неподалеку, что привлекло к этим женщинам внимание как работников ресторана, так и охранников. Внимание последних понятно, а вот обслуживающий персонал за полгода знакомства с человеком из «Майбаха» ни разу не видел его интереса к противоположному полу, хотя здесь были свои завсегдатаи-женщины, выглядящие весьма привлекательно и всегда готовые завязать знакомство. Но чеченец на завсегдатаев даже не смотрел, а те, видя откровенную недружелюбность охраны, сами подойти не решались.

Эти две молодые женщины были совершенно разные. Одна – маленькая, круглолицая, полноватая, без макияжа, и одета явно не для праздничного вечера. Впрочем, она, судя по одежде, вообще не могла себе позволить посещение ресторана в центре Москвы, даже такого сравнительно недорогого. Вторая была ее полной противоположностью. Высокая, стройная, может, излишне жилистая, но это придавало ей вид спортивности. Да и серьезный взгляд, в отличие от

рассеянного и чуть-чуть растерянного взгляда подруги, говорил о сильном характере.

Официант открыл бутылку шампанского и разлил по фужерам, которые принес вместе с бутылкой на подносе. Женщины шампанское только попробовали, одновременно посмотрели в сторону чеченца и с улыбкой кивнули ему. Высокая женщина от шампанского сильно закашлялась, словно подавилась, и встала, чтобы выйти. Что-то шепнула подруге, и та осталась сидеть, охраняя сумочку напарницы, а высокая направилась в вестибюль, где располагались и туалетные, и курительная комнаты. Едва женщина вышла, чеченец поднялся, сделал охране знак рукой, запрещая идти за собой, и тоже двинулся в вестибюль. Охранник, сидевший лицом к дверям, видел, как босс остановился за порогом и осмотрелся.

Из вестибюля можно было только выйти из ресторана, пройти в туалет или зайти в курительную комнату. Куда пошел босс, охранники не знали, поскольку его распоряжение было для них законом. И если на другие законы, в том числе и государственные, они могли позволить себе наплевать, то здесь было достаточно одного слова или жеста. Охранники привыкли повиноваться абсолютно и беспрекословно.

Меж тем чеченец осмотрелся в вестибюле и увидел сквозь стеклянные двери курительной комнаты высокую женщину. Кроме нее, там никого больше не было, народ в ресторане обычно собирался чуть позже. Он ногой открыл дверь и во-

шел, засунув большие пальцы рук в карманы строгого жилета. Женщина стояла перед зеркалом и рассматривала себя, но боковым зрением уловила присутствие человека и повернулась.

– Неужели ты уже стареешь? Сколько седины-то в волосах! – с легкой улыбкой проговорила она.

– Как давно я тебя не видел… Но вспоминал часто.

– Не обманывай.

– Мамой клянусь… – Чеченец подошел к женщине, положил ладони на зеркало и с ностальгическим вожделением сказал: – Все тот же запах, прежний… Я всегда так любил твой запах…

– А вот от тебя иначе пахнет. Ты другим стал, – недовольно ответила она и вдруг резко ударила его коленом в пах.

Чеченец со стоном согнулся, а женщина, воспользовавшись этим, тут же нанесла второй удар в челюсть. Этого хватило, чтобы чеченец полностью «отключился». Он валялся на кафельном полу, совершенно беспомощный и уже не такой важный, каким был совсем недавно. Женщина же, коротко глянув через стеклянную дверь и никого не увидев, сняла с ноги туфлю на шпильке, нажала с внутренней стороны каблука на небольшой выступ, и из шпильки выскочило острое жало в пять сантиметров длиной. Рука совершила резкое круговое вращение, и жало ушло в затылок лежащему без движений человеку. Слабый хруст черепной коробки слился с хрипом, вырвавшимся из горла мужчины. Тело

вздрогнуло и затихло.

Второе нажатие на выступ убрало жало. Женщина надела туфлю, подскочила к стеклянным дверям, выглянула, но тут же метнулась к окну, открыла его, носовым платком вытерла с ручек отпечатки пальцев и легко, по-спортивному, несмотря на свою неспортивную обувь, запрыгнула на подоконник, опираясь на него не ладонями, а кулаками. Спрыгивать за окно в туфлях на шпильке было рискованно, но ей и не пришлось этого делать. За окном ее услужливо подхватили мужские руки и помогли плавно опуститься на газон. Пять быстрых шагов по газону до автомобиля без номеров, и через несколько секунд он сорвался с места.

– Не гони, Хамзат, – обратилась женщина к водителю. – Выезжай медленно, спокойно. Сколько я тебя учить буду…

– Харашо… – с сильным кавказским акцентом ответил водитель и послушно сбросил скорость. Машина выбралась на улицу и быстро затерялась в потоке…

* * *

– Не пугайте меня, – попросила женщина. – У меня желудок слабый… Ой, мне выйти надо…

– А что мне вас пугать… Пугать уже поздно. Вы стали соучастницей убийства члена Совета Федерации от Чечни. Теперь вам опасаться следует не только правоохранительных органов, но и мести чеченцев. Фу… Конвоир, проводи ее в

туалет…

Старший следователь по особо важным делам Иван Арнольдович Бойко смотрел на женщину своими всегда мутными глазами через толстые линзы очков так сурово, словно готовился прочитать ей приговор о смертной казни на электрическом стуле.

Женщина стремительно покинула кабинет в сопровождении конвоира, а Иван Арнольдович снял трубку внутреннего телефона и набрал номер.

– Бойко… – представился он. – И что экспертиза скажет?

При том что Иван Арнольдович сам был человеком мелким, голос имел такой, от которого могли бы загудеть церковные колокола.

– Ничего утешительного, Иван Арнольдович, – прозвучал ответ, за которым последовал сонный вздох. – На сумочке отпечатки пальцев стерты салфеткой. Остатки салфетки явственно видны на поверхности даже невооруженным глазом. И эта картонка там, в сумочке, внутри. Визитка, что ли… Валькирия, в стиле Бориса Вальехо… Может, просто картинка женщине понравилась, вот и носила ее с собой, а мы сразу воспринимаем это как визитку?.. Боюсь, что это поведет следствие по неверному пути. Но это вам решать, Иван Арнольдович. Так… Дальше что? На запорных ручках окна в курительной комнате отпечатки тоже уничтожены. Мы предполагали, что при выпрыгивании из окна человек должен положить ладонь на подоконник, потому снимали отпе-

чатки со всего подоконника полностью. Но там их столько, что невозможно кого-то выделить. Я передал самые отчетливые на идентификацию в картотеку. Часа через два вам перешлют результат на электронную почту. Ваш адрес они знают. Еще есть верхние отпечатки кулака. Исходим мы при этом из представления, что опереться кулаком на подоконник можно только сверху. Кулак был маленький, скорее всего женский или детский. Я допускаю, что это убийца опиралась кулаком, когда из окна выпрыгивала. Но внизу никаких следов, хотя она должна была обязательно продавить землю своими шпильками. И идентифицировать ее по отпечатку кулака можно будет только в том случае, если вы ее поймаете.

– А чтобы ее поймать, мне нужно ее идентифицировать, и знать, кого ловить… – басом проворчал старший следователь.

– Ну, по отпечаткам определить преступника удается редко. Вы их и без того ловите… – Эксперт явно хотел польстить Бойко.

– Что в самой сумочке интересного?

– Интересного ничего. И не интересного тоже ничего. Кроме картинки – Валькирии. Хотя это дамская сумочка, а не бумажник, там лежали только деньги. Не много, только чтобы за ресторан расплатиться, если она вообще платить собиралась. Даже помады не было, иначе мы по остаткам слюны смогли бы хоть ДНК определить. Ни расчески с во-

лосами, ничего. Нет следов. Видимо, опытная женщина, все хорошо продумала. Я отдал сумочку на исследование по поводу поиска следов металла. Где-то же она прятала свое оружие. Результат будет только завтра к концу дня, раньше никак не получится.

– Ладно. Не буду больше вас задерживать.

– У меня сегодня у сына день рождения. Тороплюсь…

– Поздравьте от меня.

– Обязательно. Он вас помнит. Вы с ним коллеги – за «Спартак» оба болеете.

– Был бы футбол хороший, а болельщики всегда найдутся…

* * *

Положение было тупиковым – следов никаких, и варианты поиска только отдаленные. Никто не видел, как женщина выпрыгивала из окна. Оперативники ФСБ и МВД обошли все квартиры в соседних домах, но никто ничего подозрительного не заметил. Правда, одна пожилая женщина, гулявшая во дворе с внучкой, видела, как двор покидала машина. Иномарка. Большая. Черная. Вот и все, что она смогла сказать. Она бы и не запомнила, если бы машина сначала не ехала очень быстро, а потом, как по команде, замедлила ход. А уж про ее номера можно было бы и не спрашивать, хотя Бойко все же спросил на всякий случай, естественно,

бесполезно. На номер женщина не посмотрела. Видеокамер наблюдения на подъездах нет. Есть на двух, но в другой стороне дома, где живет публика более состоятельная. В ресторане камеры установлены, но уже месяц как не работают. Ни внутри, ни снаружи. Хозяева заведения дважды обращались в обслуживающую фирму, там только обещают прийти и отремонтировать, но пока не торопятся. Да их особо и не торопили, поскольку в ресторане ни разу еще не было каких-то криминальных инцидентов.

Охранники хватились убитого слишком поздно, когда один из посетителей вышел покурить, обнаружил тело и сообщил официанту. Официант сначала сообщил хозяину ресторана, а тот уже охранникам, которые чуть не убили женщину, пришедшую в ресторан с предполагаемой убийцей. Хотя факт, что убийство совершила эта женщина – высокая, стройная, внешне привлекательная, спортивного вида, – не доказан, а только является предположением, поскольку сама женщина пропала. Но ведь и с ней что-то могло случиться.

И эта подружка ее… Подружка, сообщница или вообще посторонний, как она говорит, человек. Знает только, что высокую женщину зовут Валентиной. Фамилию не знает. Сама она только сегодня утром приехала из Волгограда, хотела найти в Москве работу. В Самаре в поезд села Валентина, вот и познакомились. Она обещала и с работой помочь, и с жильем тоже. Хотя предлагала на первое время, хотя бы на три дня, устроиться в гостиницу, даже посоветовала, в ка-

кую лучше. Женщина и пошла. Это оказалась не гостиница, а общежитие, хотя часть комнат использовалась в качестве гостиничных. Оплата была божеская, производилась сразу и без всяких отчетных документов. Больше ничего сказать про Валентину женщина не могла. Встретились, как и договаривались, уже вечером, Валентина пообещала сводить в приличный и дешевый ресторанчик поужинать. И вот во что это вылилось. Билет с поезда женщина предъявила, хотя это еще ничего не доказывало. Но все равно и этот путь поиска оказался пока тупиковым.

Окажись видеокамеры работающими, можно было хотя бы просмотреть, кто заходил в ресторан и кто выходил из него. Швейцара в заведении не держат. Ночью к дверям собственных охранников ставят, а в другое время, когда посетителей нет, охранники на кухне сидят и традиционно что-нибудь жуют. Из-за нерадивых «вышибал» ресторана, как раньше называли охранников, из-за неработающих камер видеонаблюдения, из-за всего этого следствие не могло набрать обороты, и не было возможности раскрыть дело по горячим следам. А чем больше времени проходит обычно в поисках малейшей зацепки, тем меньше вероятность вообще дело раскрыть. Зацепка нужна обязательно. И она, как правило, всегда бывает, только необходимо вовремя увидеть ее и захватить. Но пока Иван Арнольдович такой зацепки не видел.

Просидев в раздумьях несколько минут, старший следователь снова взялся за телефон и о позвонил патологоанато-

му. Конечно, о результате вскрытия еще говорить рано, но хотя бы о характере ранения и оружии вопрос задать можно.

Патологоанатом был недоволен тем, что его оторвали от дела, и сильно разговорчивым показаться не пожелал:

– Ничего не могу вам пока сообщить. Предполагаю, что смерть наступила от удара острым металлическим предметом точно в темечко. Толщина предмета приблизительно шесть-восемь миллиметров, длина – около пяти сантиметров. Впрочем, кроме длины оружия, я все уже сказал при предварительном осмотре. Больше на данный момент ничем помочь не могу. Извините, я занят.

– А я бездельничаю, – пробурчал старший следователь раздавшимся в трубке коротким гудкам.

Гудки ничего не ответили…

2

Герой России подполковник Серегин открыл дверь, не посмотрев в дверной «глазок». Знал, что в это время дочь должна с тренировки вернуться, и вообще ему, специалисту по рукопашному бою, заместителю командира бригады спецназа ГРУ по боевой подготовке, странно кого-то бояться и осторожничать в домашней обстановке. Тем более что, получив вчера Звезду Героя и крепко «обмыв» ее с друзьями, подполковник чувствовал себя неважно и соображал медленно, не так, как обычно. Серегин вообще был привержен-

цем трезвого образа жизни, и потому для него такие непривычные нагрузки оказались чрезмерными. За дверью и в самом деле оказалась Маша. Но пришла она не одна. За спиной Маши стояла высокая стройная женщина лет двадцати пяти.

– Здравствуйте, Павел Васильевич. Я правильно имя-отчество запомнила?

– Правильно, – ответила за отца Маша. – Папа, познакомься. Это к тебе. Поговорить насчет меня хотят. Насчет тренировок.

– Заходите, – гостеприимно показал рукой Павел Васильевич, хотя приветливую улыбку на лице не изобразил, поскольку состояние его было далеко не лучшим, кроме того, подполковник был слегка озабочен срочным отзывом в бригаду. Только что позвонили и попросили прервать отпуск. Предстояла командировка. Естественно, по телефону не сообщили, куда, но все последние командировки имели один адрес – Северный Кавказ. Да и вообще, он от природы был человеком неулыбчивым. – Я сейчас чайник поставлю.

– Не беспокойтесь. Я чай не пью. Вода – это лишний вес. А я стараюсь… Извините…

Женщина осмотрела себя с ног до головы, словно продемонстрировала свою стройную подтянутую фигуру, в которой не было ни грамма лишнего веса, и улыбнулась. Улыбка у нее оказалась приятной и обаятельной.

– Как хотите. Тогда проходите в комнату. Не в прихожей же разговаривать.

Женщина вроде бы слегка стеснялась, но все же разулась, сняв туфли на тонкой шпильке, и прошла в комнату. Павел Васильевич прошел следом за ней, показал кресло, куда пожелал усадить гостью, сам устроился на небольшом диване слева от нее. Маша села на стул за столом, заинтересованно ожидая начала разговора.

– Меня зовут Валентина Агзамовна. Я тренер детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва.

– Неужели у нас в стране еще остались такие? – спросил подполковник с легким удивлением. – Я думал, спорт у нас уже прочно похоронили и могилы забетонировали. Тоже по карате? – добавил он, поскольку дочь его занималась в детской группе как раз карате кекусинкай.

– Нет, к сожалению. От боевых искусств я совершенно далека, – ответила тренер. – И даже в детстве заниматься не пыталась, когда хочется все попробовать. Мне этого почему-то не хотелось. Я сразу прыгать начала, и на всю жизнь… До сих пор прыгаю. Если уж не на соревнованиях, то хотя бы на тренировках, чтобы технику детям показать. Конечно, на скромных высотах, только на детских. Как уже сказала, я тренирую прыгунов в высоту. Прыгуний, как сейчас иногда говорят даже по телевизору, Но мы, тренеры, обычно всех называем прыгунами. Я сегодня случайно попала на тренировку каратистов, посмотрела на вашу дочь Машу и увидела у нее большую, просто великолепную прыгучесть. И гибкость великолепную. Понимаете, Павел Васильевич, карате,

конечно, модный вид спорта…

– Не очень. Лет двадцать назад был модным, а сейчас уже нет. Традиционные виды единоборств свое забирают. Прыгучесть же у Маши действительно хорошая. Я специально ее тренировал с детства. Сам тренировался, и она со мной вместе. Мы тогда в военном городке жили. Рядом с нами глубокий и широкий овраг, мостик через него, ступеньки. Как сейчас помню, пятьсот двенадцать ступенек. Я каждое утро преодолевал этот мостик туда и обратно, прыгая по ступенькам. Вниз – пешим ходом, вверх – прыжки с двух ног. Маша со мной прыгала, сколько могла. Всю дистанцию ей проходить было, конечно, рано, но постепенно все больше и больше осиливала. Так прыгучесть и развила.

– Каждый бы родитель так своего ребенка воспитывал, – с улыбкой заметила Валентина Агзамовна, откровенно желая сказать что-то доброе этому суровому подполковнику. – Но я продолжу свою мысль. Посмотрела я на Машу и увидела в ней большие задатки спортсмена высокого класса. С такой прыгучестью ей можно рассчитывать на большой успех. У меня одна воспитанница уже входила в олимпийскую сборную, правда, уже с другим тренером, со взрослым. Я только детей готовлю, а потом передаю их другим. Так вот, я Маше предложила перейти заниматься ко мне. Она сказала, что ее в карате привел папа, как папа решит, так и будет. Она у вас дисциплинированная. Военная, наверное, дисциплина. На генетическом уровне. С таким характером и с ее данны-

ми мы можем при соответствующей работе рассчитывать на многое. Вот я и пришла поговорить…

Павел Васильевич посмотрел на Машу. Та улыбалась, ожидая решения отца. В карате у нее не слишком-то получалось, а стать знаменитым спортсменом какой ребенок не хочет! Он это прекрасно понимал, но сомнения у него все же были.

– Вы знаете, Валентина Агзамовна, я воспитанник старой советской системы, а эта система, как бы ее ни ругали, все же очень неплоха в деле воспитания. По крайней мере честность и порядочность тогда были в почете. И потому мне кажется не совсем корректным по отношению к тренеру переход Маши в другой вид спорта. Следовательно, с ее тренером и следует теперь говорить. Согласится тренер, согласится Маша, я возражать не буду.

– Тренера я беру на себя, – уверенно сказала Валентина Агзамовна. – Я не случайно в тот спортзал попала. Специально хожу, подыскиваю себе учениц в других спортшколах. Тренеры меня хорошо знают и на тренировки пускают. Я договорюсь.

– Ну, тогда… – Видя, как сияет дочь, следовательно, она уже была согласна, развел руками Павел Васильевич. – Тогда и говорить конкретно будем…

Гостья встала, встал и подполковник:

– Зря вы от чая отказались. Я умею вкусный чай заваривать.

– Извините. Я спешу. Сразу попытаюсь тренера найти, поговорю с ним, а потом подряд две тренировки. У меня сейчас четыре группы занимается. Группы небольшие, чтобы можно было каждому побольше внимания уделить.

Она шагнула в прихожую. Маша осталась сидеть, а подполковник вышел проводить гостью.

Валентина Агзамовна расстегнула ремешок на одной туфле, наклонилась, обулась, застегнула ремешок, взяла в руки вторую, хотела что-то сказать, но посмотрела на стену за спину подполковника Серегина, и глаза ее округлились:

– Что это?

Павел Васильевич обернулся, всмотрелся в стену, ничего необычного на замечая, хотел было спросить гостью, но повернуться обратно не успел. Рука женщины сделала резкое круговое движение, и острый штырь, вышедший из тонкого каблука, вонзился подполковнику в затылок. Гостья успела выдернуть каблук и обуться, когда в прихожую вышла Маша, привлеченная шумом падения тела. Дочь, видимо, характером была в отца. Она не испугалась, только побледнела, глаза у девочки стали холодными, как лед.

– Мне сразу показалось, что у вас злое лицо, – сказала она. – Вы не всегда лицом владеете. Иногда расслабитесь и становитесь похожей на змею.

– Зря ты, девочка, так быстро вышла, ох, зря…

Женщина шагнула вперед, Маша подпрыгнула и нанесла прямой удар ногой в лицо гостье. Но разница в весе все же

сказалась, у тринадцатилетней девочки, даже тренированной, не может еще быть сильного акцентированного удара. Она только губу ей сильно разбила. Женщина устояла на ногах и, воспользовавшись тем, что Маша после приземления не обрела еще равновесия, сократила дистанцию и нанесла удар локтем точно в челюсть. Маша упала на пол без сознания. Гостья наклонилась, левой рукой взяла девочку за челюсть, правой за затылок, и резко дернула руки навстречу одна другой. Раздался хруст шейного позвонка…

А на пол рядом с головой девочки капала кровь из разбитой губы. Сильно капала, почти брызгала. У женщины не было с собой носового платка, и она взяла с полки в прихожей косынку и зажала разбитую губу. Косынка сразу стала пропитываться кровью. Рассечение было сильным, хотя, конечно, не серьезным и жизни не угрожало. Разве что внешней привлекательности…

* * *

Иван Арнольдович Бойко в третий раз перечитал только что составленный план розыскных мероприятий, который следовало докладывать начальству, и опять остался им недоволен. Чего-то здесь не хватало, и он никак не мог сообразить, чего именно. Убийство громкое, можно сказать, циничное. Убит сенатор. Да еще не просто сенатор, а сенатор от северокавказской республики. Убит под носом у собственной

вооруженной охраны. За такое убийство спросят не однажды. Газеты, телевидение и Интернет, как обычно, уже шумят подробностями, которых в действительности не было.

Вчера вечером и сам начальник Следственного комитета на работу приехал, чтобы с материалами осмотра места преступления ознакомиться, и начальник отдела. Оба настраивали старшего следователя на скорейшее достижение результата. Была дана незамедлительная санкция на изъятие видеоматериалов из всех наружных камер видеонаблюдения в пределах двух кварталов, чтобы хотя бы по внешнему описанию попробовать найти эту женщину, главную пока подозреваемую в убийстве. Благо кварталы в центре Москвы короткие. Над видеоматериалами всю ночь сидели опера ФСБ, но никого, похожего по описанию на уходящего от ресторана, не увидели. А подходящего к нему и не могли увидеть, поскольку подруга подозреваемой сообщила, что в ресторан они приехали на такси, следовательно, могли бы попасть только под объектив неработающей камеры самого ресторана.

Иван Арнольдович ночью плохо спал. Трижды звонил операм, интересовался результатом просмотров, потому и уснуть не мог. А утром пришел на работу разбитый и уставший, хотя по-настоящему следствие еще и не началось. Вот план следственных мероприятий и получился таким постным, что и докладывать его начальнику отдела не хотелось. А что-то такое особенное в голову не лезло, хотя нужно было

что-то особенное придумать, какое-то зерно вставить, доминирующую мысль.

Как раз за этими мыслями его и застал звонок начальника отдела.

– Дописываю план, Александр Владимирович, – сразу сказал Бойко, стараясь скрыть недовольство. – Обдумываю все возможные мотивы, но мотивов может быть столько, что и не сосчитать. Наиболее вероятным считаю вариант адата. Сенатор, по слухам, был замешан в нескольких убийствах влиятельных особ из бандитской верхушки Чечни и еще кое-кого, кто не может найти общий язык с их главой республики. Это вообще дело Интерпола, и я собираюсь запросить у них ряд данных. Если мне память не изменяет, Интерпол вел следствие. Но все может иметь и простой бытовой уровень. Стал к девке приставать, она его и того… Грохнула… И сбежала с перепугу… Вариантов множество. Думаю, следует подключить и Следственный комитет Чечни. У них могут быть наглядные мотивы, которые мы со своей психологией просто понять не в состоянии. И еще…

Начальник отдела прокашлялся в трубку, останавливая словоизлияния следователя, и, как только тот умолк, заговорил:

– Я не по этому поводу, Иван Арнольдович. Собирайся на выезд. Двойное убийство. Отец с дочерью. На собственной квартире. Серьезное дело.

– Александр Владимирович, на мне вчерашнее висит. С

ним бы, дай то бог, справиться…

– Объединяй в одно производство. Потому и звоню. Там ментовская бригада уже на месте работает. Убит Герой России, подполковник спецназа ГРУ Павел Серегин. Заместитель командира бригады по боевой подготовке, большой специалист по рукопашному бою, и его дочь, спортсменка-каратистка. Не простые люди, с такими еще надо суметь справиться. Серегину только вчера Звезду Героя вручили. За Северный Кавказ. Улавливаешь связь?

– Не уловить связь трудно, Александр Владимирович. Сенатор с Северного Кавказа, Герой с Северного Кавказа. Но это натяжка. Мне кажется, это не повод для объединения производств.

– Подполковник убит острым предметом. Удар нанесен сверху вниз в темечко. Идентификацию удара можно будет произвести только после экспертизы. Но и не это главное. Главное, на спине у лежащего лицом вниз подполковника осталась визитная карточка…

– Валькирия? – догадался Бойко.

– Она самая. Картинка и подпись. Точно так же, как в первом случае, выведена на фотопринтере. Значит, типографию искать не стоит. Короче говоря, выезжай, включайся. Как вернешься, сразу доложи результаты. И наверху тоже результатов ждут. Сенатор сенатором, это резонансно, но второе убийство еще более резонансное. Менты не проверили, и я спросить забыл, на месте ли медаль Героя? Ты проверь.

Здесь тоже может быть рядовое ограбление, а мы уж… Хотя какое ограбление, если визитка есть… Валькирия… Плотно включайся…

Часть первая

Глава первая

1

Пятерых вооруженных по самые уши бандитов заблокировали в жилом доме частного сектора на окраине пригородного поселка. Операция развивалась как и полагается. Проводилась силами местного полицейского спецназа и дополнительной небольшой группы спецназа местного же управления ФСБ, которую затребовало полицейское управление, поскольку у ментов в настоящий момент не было своих снайперов. Для операции их выделили сразу троих, причем один был вооружен крупнокалиберной снайперской винтовкой, способной пробивать даже легкую лобовую броню бронетранспортера.

Сначала все шло по плану. Из соседних домов эвакуировали жителей. Причем эвакуацию проводили жесткую, чтобы повысить неприязненное отношение к бандитам, вынуждающим полицию действовать жестко и в спешном порядке. Мирным жителям не дали забрать самые необходимые при

эвакуации вещи. Но эта мера формирования психического состояния людей была разработана уже давно и опробована во многих операциях. Результаты показывали, что мера правильная.

По завершении эвакуации бандитам, как обычно, предложили сдаться, хотя и не дали времени на обдумывание. Менты хорошо знали, что пленных вообще лучше никогда не брать, потому что пленный враг – это всего лишь на время отложенное мщение. А убитый враг – это завершенное дело. Кто позволяет себе такую роскошь и берет пленных, тот в определенное время лишается нормального сна и устраивает себе множество незапланированных проблем. Так что можно дать Нобелевскую премию тому, кто найдет в сводках последних лет случай, когда бандиты сдались в плен после их блокировки в месте обнаружения.

Обстрел начали практически сразу после того, как была соблюдена условная форма, то есть сразу после предложения сдаться. Чтобы вообще даже не слышно было, если кто-то начнет кричать, что на сдачу согласен. При высокой интенсивности стрельбы никто и голову высунуть не сможет, чтобы крикнуть. Это все реалии войны, хотя кто-то войну эту пытается назвать ограниченным режимом контртеррористической операции. Если не знаешь, с какой стороны в тебя пуля может прилететь, а летают такие пули постоянно, и то одного рядом не оказывается, то другого, сраженного этой пулей, значит, ты точно на войне находишься. И это опреде-

ление наиболее верное из всех существующих.

Дом, в котором засели бандиты, был большим, кирпичным, хорошо, даже красиво сложенным, с выступами вокруг окон, с узорными карнизами. Кирпичный же забор, как полагается, в два с половиной метра высотой со стороны улицы, а там, где почва опускается рядом с соседним двором, забор выше, и везде соблюдает строгую прямую линию. По уровню вели кладку. Старались. И деньги, наверное, большие вложили. Об этом, впрочем, никто не думал. Просто подогнали бронетранспортер, и он в двух местах проломил забор, чтобы ментовские спецназовцы имели хороший угол для контроля и прострела территории. Бронетранспортеры давно уже научились кирпичные заборы проламывать так аккуратно, что нижняя часть целой оставалась и образовывала бруствер, поверх которого удобно было с колена прицеливаться и стрелять. И стреляли, не жалея патронов. Знали, что за растраченные патроны никто не спросит, да и пополнить их запас можно будет после уничтожения бандитов и взятия дома. В таких случаях арсенал оружия всегда бывает богатым. А где оружие, там и патроны.

Обычно все дома подобного типа имеют хорошие подвалы с вентиляционными окнами, вполне приспособленными, чтобы использовать их как бойницы. Бандиты их так и использовали. Правда, цоколь здания был, кажется, слишком тяжелым, и вентиляционные окна не давали обзора из-за толщины стен. Или сами бандиты не рисковали слишком ак-

тивно, и потому не часто отвечали привычными короткими очередями. Но, стоило одной очереди раздаться, как на это окно-бойницу сразу несколько автоматных стволов наводилось, и нетренированному уху уже невозможно было отделить одну очередь от другой – такая плотная начиналась стрельба. Одиночными только снайперы ФСБ стреляли. Но этим видимую цель подавай, наугад лупить они не любят. Только крупнокалиберная винтовка стреляла регулярно, но она не по людям, кажется, стреляла, а выбивала кирпичи из окон-бойниц. Если кирпич не вылетал целиком, то есть если раствор в кладке был крепким, то мощная пуля просто в порошок его разбивала, и вокруг этого окна сразу поднималась красная пыль.

Бронетранспортер попытался еще в одном месте, прямо напротив дома, забор проломить. И проломил, по-прежнему так же аккуратно, чтобы бруствер оставить. Но тут ментовские спецназовцы зазевались и не успели прикрыть свою технику. Из трех окон-бойниц полыхнуло пламя, и следом раздался грохот. Выстрел из гранатомета РПГ-7 с автоматной очередью не спутаешь. Бронетранспортер тут же задымился, но, к счастью, экипаж машину покинул раньше, и на месте оставался только прапорщик – механик-водитель. Едва его тело вытащили под заградительным огнем автоматов спецназовцев, как БТР взорвался. Видимо, внутри пожар был достаточным, чтобы сдетонировали взрыватели боеприпасов. Машина подпрыгнула на добрых полтора метра и разбросала

в разные стороны собственные двери. Огонь вырвался наружу, но быстро сменился черным вонючим дымом. От взрыва никто не пострадал. Кроме того, была в нем и полезная составляющая. БТР отлетел от забора и оставил бруствер открытым, следовательно, пригодным для использования в качестве огневой точки. Менты из-за всех трех брустверов ответили на выстрел гранатомета страстным, чуть не радостным феерическим огнем, выбивая пыль из кирпичей домовой кладки, но это, как обычно, не сильно тревожило защитников дома. Однако отстреливались они неприлично редко, и это было не похоже на стандартные действия бандитов. Командир спецназовцев задумался, однако додуматься ни до чего не успел, потому что по эту сторону забора автоматные очереди стихли, а взамен раздались крики, которые очень мало походили на вопли радости.

Должно быть, бандиты обладали связью, а у спецназа не было в наличии средств подавления связи, поэтому не было возможности пресечь попытки общения подвала с внешним миром. Это общение состоялось, в результате чего было выработано решение, начавшее тут же претворяться в жизнь.

Неподалеку от места события, буквально у соседнего дома, стояла дорожная техника. Два асфальтовых катка, весомых и тихоходных. Кто-то сумел завести самый большой асфальтовый каток, заехать на тротуар, заблокировать руль, который предварительно был использован вместо прицела, и пустить машину в самостоятельное движение вдоль забора.

Конечно, ментовский спецназ умеет передвигаться быстрее дождевых червей, и никто от катка не пострадал, хотя бойцы вынуждены были оставить позицию и отскочить от импровизированных брустверов на дорогу. Но тут их ждал новый сюрприз. С чердака соседнего дома, откуда спецназовцы недавно выпроводили все живое население, безостановочно начали поливать пространство перед собой длинными очередями два пулемета. Пулемет может себе позволить длинные очереди, и, хотя они качественно по прицельности отличаются от автоматных, урон силам атакующих был нанесен значительный. Несколько человек оказались убиты, несколько ранены, но привычные к боевым действиям спецназовцы успели рассредоточиться по газонам, залечь и ответить ответным огнем. Пулеметы стихли быстро, хотя никто не рвался побежать туда, к этому дому, и собственной грудью проверить, остались ли пулеметчики на своей огневой точке или уже покинули ее. Пулеметные стволы все так же торчали из окна. Потом автоматные очереди просто сбили их в сторону, показав, что за окном нет рук, которые могли бы поддержать оружие. Командир дал приказ. Три человека побежали к дому, а автоматные очереди прикрывали их перебежку. Под этим прикрытием вынесли из дома раненых и убитых. И снова начали обстрел дома своего внимания. Но теперь оттуда никто уже не отвечал. А потом по связи пришло сообщение, что пост внешнего периметра был обстрелян с внутренней стороны из проезжавшей машины. Командир ментовского

спецназа понял, что в доме никого не осталось, и приказал прекратить огонь, который уже был бесполезен, и только выбивал красную пыль из стен…

* * *

План «Перехват» был объявлен сразу, и все наличные силы ГИБДД и ОМОНа были брошены к ближайшим выездам из города. Впрочем, на выезде и без того стоял усиленный пост, способный даже танк остановить. Дорогу дополнительно перегородили несколькими тяжелыми бетонными фундаментными блоками, оставив свободной для проезда только одну полосу, для проезда в ту и в другую сторону. Моментально образовалась «пробка», водители громко поминали чьих-то матерей, однако с неизбежностью они бороться не могли, а тупорылые ментовские автоматные стволы [3] всегда олицетворяют собой именно неизбежность. В других местах посты не были такими сильными, и бандиты, видимо, просчитав такой вариант, прорывались не там, где к их встрече подготовились основательно. Они на скорости проскочили весь город, по дороге, уже почти на выезде, расстреляв ментовские «Жигули», а заодно и слабый пост, выставленный чуть дальше, покинули город с противоположной стороны, быстро проскочили асфальтированный участок доро-

[3] На вооружении у полиции находится автомат АКСУ, с укороченным стволом и раструбом, в обиходе называемый «тупорылым».

ги, свернули на проселок и направились в сторону лесистых гор. Так сообщили те, кто видел момент поворота с асфальта. Можно было предположить, что они двинулись в сторону Чечни, так что на всякий случай и границу между республиками перекрыли усиленным постом. Своих значительных сил там у дагестанской полиции не было, и потому пришлось просить помощи у полиции чеченской. На дороге выставили плотный заслон, вооруженный серьезными гранатометами РПГ-7, которым и танковая атака нипочем [4]. Но бандиты к границе даже не приблизились. Примерный район их местонахождения был определен, когда через двенадцать часов нашли брошенную машину «Тойота Ленд Крузер». Однако была уже ночь, а ночью вести поиск, не зная его направления даже приблизительно, было сложно. Такой поиск, как правило, вел к засаде и жертвам. Да и не умели менты воевать в горах, хотя иногда и им приходилось это делать. Это уже дело армии, к которой и пришлось обращаться.

Взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Валидова прибыл на место перед самым рассветом. Солдаты стремительно покинули кузов старенького грузовика, а сам их командир уже стоял рядом с майором Мухаммадгафуровым из полицейского спецназа, который объяснял ему, какая помощь требуется и какие меры поиска уже пред-

---

[4] Во время штурма Багдада американцами именно гранатометами РПГ-7 было уничтожено четырнадцать хваленых американских танков «Абрахамс», якобы неуязвимых ни для какого оружия, кроме мощной ракеты.

приняты.

А меры эти сводились пока к простейшему прочесыванию близлежащих кустов.

– Прочесали? – спросил по-дагестански старший лейтенант.

– Прочесали, – на том же языке ответил майор.

– И никого почему-то не нашли, – повторил майор.

– И никого почему-то не нашли.

– И никто из ваших парней на мине или на «растяжке» не взорвался? – старший лейтенант даже удивился.

– Откуда у них мины? С собой не таскают, так как в кармане не помещаются. Машину они чужую украли. Скоро владелец подъедет. Вон, наверное, уже он… На такси…

С проселочной дороги сворачивало такси. Таксист, видимо, был отважным парнем, раз не боялся по такой местности ездить. Если «Форд» с его низким клиренсом застрянет, кто вытаскивать будет? Вся надежда останется на бандитов. Но характер позволял, похоже, таксисту над этим не задумываться. Или клиент платил достаточно хорошо, чтобы рисковать. Но в момент, когда такси остановилось и высокий, широкоплечий пассажир, предельно возмущенный происходящим, стремительно выскочил из салона, но поспешил не к майору со старшим лейтенантом, а к своей машине, где-то в кустах грохнул взрыв, и осколки на излете просвистели над головами офицеров.

– Граната… – философски изрек старший лейтенант. –

«Растяжка» стояла… Кто-то из ваших людей, товарищ майор, не успел до туалета добежать…

Майор Мухаммадгафуров резко развернулся, желая, видимо, ринуться на место взрыва гранаты. По крайней мере все движения его крепкого и сильного тела показывали такое намерение. А как не бежать, если кто-то из подчиненных в самом деле подорвался на «растяжке»! Спрос-то с кого будет?

– Стоять! – приказал майору старший лейтенант. – Обычно рядом с одной «растяжкой» в таких местах еще несколько ставят. Для любопытных. Кологривцев! – крикнул он старшему сержанту спецназа ГРУ: – Проверь.

Старший сержант не суетился, порыва своего не демонстрировал и, сделав знак двум солдатам следовать за собой, молча ушел в кусты. Ожидание длилось около пяти минут. Наконец сержант вышел вместе с солдатами, осмотрелся, нашел взглядом канаву у дороги, достаточно глубокую, чтобы исключить разлет осколков мощных гранат Ф-1, и, показав предварительно старшему лейтенанту, бросил гранаты туда. Брызги грязи взлетели кверху вместе со звуком. Они были заметны даже в темноте, поскольку были достаточно крупными, и больше походили на грязевые комки.

– Итого, три «растяжки», товарищ майор. Что же ваши люди осматривали? И как осматривали? Жить им, что ли, не хочется?

– Ночь, темнота, спешка, – попытался слабо оправдаться

ментовский майор.

Впрочем, себя он этим оправданием, может быть, и убедил, но старшего лейтенанта едва ли. Но тот, похоже, посчитал лишним читать нотации старшему по званию офицеру иной службы. Да и привести к какому-то положительному результату такая нотация едва ли смогла бы.

– Машину осматривали? – спросил он, глядя, как хозяин садится в свой внедорожник, ругаясь на чем свет стоит.

– Конечно, – уверенно подтвердил Мухаммадгафуров.

– По полной программе?

– Как сумели…

Умения, видимо, его бойцам и в самом деле не хватило. Зафыркало зажигание внедорожника, – сразу же прозвучал взрыв. Теперь уже над головами офицеров не гранатные осколки пролетели, а клочья металла и осколки стекол. Но пролетели не все, потому что какой-то рваный кусок металла воткнулся ментовскому майору в крепкую выдающуюся скулу. Он закрывал своим телом более мелкого старшего лейтенанта спецназа, и потому тот остался невредимым.

Майор Мухаммадгафуров с матюками выдернул осколок из лица, а старлей заботливо протянул ему перевязочный пакет, потому что кровь из пробитой скулы брызнула активно и стала заливать «разгрузку». И тут же вытащил еще два точно таких же осколка из обшивки ментовского бронежилета. Обшивка была плотная, и осколки, пробив «разгрузку», застряли в ней. Майору Мухаммадгафурову, можно сказать, про-

сто повезло. Попади такой осколок, скажем, в горло, могла бы и голова оторваться, попади он в голову, ополовиненной голове никогда бы уже не понадобился головной убор. Хотя старшему лейтенанту повезло, конечно, больше, поскольку его майор собой прикрыл и поделиться осколками не пожелал.

Старлей Валидов не стал дожидаться, когда майор окончит слепую санитарную обработку раны, присел на корточки и на коленях раскрыл планшет, чтобы рассмотреть карту местности. Подсветил себе миниатюрным фонариком из того же планшета. Фонарик крепился в гнезде для карандашей и вполне там помещался. Знакомство с картой длилось недолго.

– Понятно, – сказал он. – Мы выступаем, товарищ майор. Счастливо оставаться.

– У нас приказ следовать за вами.

– Вызовите машину, чтобы трупы забрала, и оставайтесь на связи. Дайте мне ваш номер. Я позвоню, если будет результат. Возможно, тогда ваша помощь понадобится. Предполагаю, что вам надо будет выехать на машине, чтобы на каком-то участке перекрыть бандитам путь к отступлению.

Последнее было высказано лишь для убедительности, чтобы менты не мешали в поиске бандитов. Без них спецназ ГРУ справится лучше, даже своими не слишком большими силами.

– Куда вы пойдете? Неизвестно ведь, в какую сторону бан-

диты двинулись.

– Отчего же? Все известно. У них только один маршрут в этой местности – к лесному урочищу, к оврагу. Они пошли на свою базу. Базу можно было устроить только там, поблизости больше нет ни одного подходящего места. Но долго они там, думаю, не задержатся. Что-то захватят, за чем сюда шли, и пойдут дальше. Тогда ваша помощь и понадобится. От дороги не удаляйтесь, возможно, придется воспользоваться транспортом…

* * *

Старший лейтенант Валидов запомнил номер майора Мухаммадгафурова сразу. Память на цифры у него с детства была хорошая. Он, участник многих подобных мероприятий, хорошо знал, что им предстоит, и был уверен, что помощь ментов понадобится хотя бы для перекрытия возможных путей отступления бандитов. Жаль только, что угнанная машина взорвалась до того, как он сам осмотрел ее. На себя Валидов надеялся и знал, что сумел бы определить, сколько человек в машине ехало, пятеро или семеро. Если бежали только те, что находились в доме, это одно. Если же к ним присоединились те, что обстреливали ментовский спецназ из пулеметов, это уже другое. Искать пятерых или искать семерых – в лесу это важно знать, чтобы не услышать чужую автоматную очередь со спины, или даже пулеметную, по примеру ментов.

Но жалеть об упущенных возможностях подолгу Валидов не имел привычки. Он помнил с детства молитву, которой учила его русская мать: «Господи, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить». И эта молитва помогала ему всегда. Мать ушла из жизни давно, когда Гази был еще ребенком, а когда он пошел в школу, то есть через два года, в доме появилась мачеха, которая никогда не молилась и ни одной молитвы не знала. Отец, дагестанец, вообще был атеистом. Но молитвы родной матери помнились даже многие годы спустя и помогали старшему лейтенанту во многих ситуациях сохранять присутствие духа, хотя, может быть, и больше для него делали.

Бандиты, конечно, совершили ошибку, с боем прорвавшись сквозь заслоны и показав направление, в котором они двинулись. Этим они только преследование вызвали. А ведь могли просто и тихо разойтись если уж не сразу по своим домам, то хотя бы по домам своих друзей и знакомых, и никто не выдал бы их, потому что у дагестанцев не принято выдавать властям даже собственных врагов. Если враг обратился к тебе за помощью, помоги ему, а потом, когда он будет в равном с тобой положении, ты можешь и отношения с ним выяснять. Этому уже отец учил Гази. И это тоже осталось в памяти на всю жизнь. Отец был настоящим горцем, и на его жизненные уроки можно было полагаться, оказавшись среди горцев. Однако, к сожалению, современные горцы не всегда придерживаются традиций предков. Тем не менее к пре-

дательству редко кто бывает расположен. И если бы бандиты рассеялись по городу, найти их было бы уже практически невозможно.

Но они бежали в горы, в лес. И следовало воспользоваться их ошибкой. Неуничтоженный бандит – это еще одна или несколько потерянных в ближайшем будущем жизней. И потому старший лейтенант Валидов вел свой взвод в преследование, ничуть не сомневаясь в своем праве на уничтожение тех, кого стремился найти.

Вперед, как обычно делал, опасаясь засады, Валидов выпустил пулеметчика с ручным пулеметом, за пулеметчиком, отстав на двадцать метров, шел сам, а за ним уже и остальные. Со спины взвод прикрывал старший сержант Родион Кологривцев, опытный контрактник, на которого можно было положиться. Выставили и боковое охранение на случай, если засада будет расположена не на пути взвода, а в стороне. Охранение сумеет предупредить вовремя, чтобы взвод не попал под кинжальный расстрел.

Вскоре рассвело, и рассвет пришел, как обычно бывает в горах, стремительно. Валидов переключил свой бинокль, который часто прикладывал к глазам, с ночного тепловизора на дневной. Тем не менее этот прибор помогал заметить биологически активный объект, излучающий тепло, издалека. Во взводе было два таких трофейных бинокля. Второй старлей выделил бойцу из бокового охранения с самой опасной стороны, там, где лес был гуще и склон выше. Бандиты

не настолько неграмотные в военном деле, чтобы устраивать засаду на нижнем уровне и подвергать себя обстрелу сверху. Они всегда стараются занять верхнюю позицию.

К урочищу вышли через полтора часа темпового марша. Теперь следовало быть вдвойне осторожным и искать бандитскую базу, подходы к которой наверняка заминированы. Но старший лейтенант Валидов был уверен в бойцах своего взвода. Он хорошо учил их, и пока еще не было случая, чтобы кто-то во взводе подорвался на мине или на «растяжке».

И только уже в самом низу, когда взвод спустился до ручья, где располагалась база, Валидову позвонили. Определитель его трубки показал, что звонит комбат. Это было что-то новое и наверняка экстренное, потому что комбат, сам много повоевавший, никогда обычно не звонит, если офицер находится на операции.

– Старший лейтенант Валидов. Слушаю, товарищ подполковник.

– Гази, ты далеко ушел?

– Нахожусь в районе предполагаемой базы боевиков. Веду поиск, товарищ подполковник.

– Притормози. Я уже выслал вертолет со взводом Ларина тебе на смену. Передашь свой взвод Ларину, а сам возвращаешься с вертолетом. Тебя срочно в Москву отзывают. К командующему. Не знаю причину, можешь не спрашивать. Но предупредили, что срочно, приказали снять тебя с операции и отправить. За тобой из Москвы самолет высылают. Если

за старлеем высылают самолет, как за генералом, значит, дело действительно срочное и важное. Будь готов. Ларин тебя подменит. Сразу после приземления он позвонит.

– Понял, товарищ подполковник. Я готов.

Передавать свой взвод под чужое командование не хотелось. Тем не менее подполковник пусть и не отдал официального приказа, но говорил конкретно, а это уже и есть приказ. Как человек военный уже во втором поколении, Валидов приучил себя безоговорочно подчиняться приказам командования…

2

– Прибыл, ну и молодец, чернявый! – Полковник в расстегнутом на большом животе кителе выбил на настольном стекле пальцами короткую барабанную дробь, но присесть не предложил, хотя стул стоял тут же и даже был выдвинут из-под стола. – Я слышал, что у вас в Дагестане все имена имеют какой-то перевод. Как твое имя, старлей, переводится? Сам-то хоть знаешь?

Старший лейтенант на сидячее место, кажется, претендовать не намеревался, привычно вытянулся по стойке «смирно», но при этом никакого смущения перед московским полковником не испытывал, говорил твердым голосом, и даже с вполне уловимыми нотками недовольства. Должно быть, слово «чернявый» показалось ему обидным. Это почти то же

самое, что «черный», только более аккуратное, чтобы можно было отговориться.

– Гази в переводе с арабского – это «воин», товарищ полковник. Полностью соответствует моей профессии. А фамилия, если перевести на русский, будет звучать как Отцов. Она происходит от имени Валид. Валид по-арабски – отец, а по-аварски будет Валидал. Попрошу только не обижать меня и не звать «валидолом».

– Ага… Понятно… Фамилия – это ладно, а вот имя у тебя хорошее. Для нашей с тобой профессии действительно, думаю, хорошее. А еще расскажи-ка мне, старлей, про свои родовые корни. Не ради любопытства, сам понимаешь, спрашиваю. В нашей службе любопытство наказуемо, а знать полагается только то, что полагается знать. Я понимаю, что в управлении кадров есть и твоя подробная автобиография, и полное досье на тебя и твою близкую и не очень близкую родню, но мне недосуг в бумагах копаться. У меня и кроме тебя дел полно. Ты уж сам расскажи коротко и четко, доходчиво, если умеешь. Понял?

– Так точно, товарищ полковник. Понял. Я понятливый. Если коротко, то… Папа по национальности аварец. Это самый многочисленный народ Дагестана. Он – военный летчик, дослужился до подполковника. Мама моя из Подмосковья, простая деревенская жительница. Из ее родни знаю только одного дядю. Алкоголик, совсем пропащий, как и на что в деревне живет, понятия не имею. В деревне три жилых

дома осталось, один – его. Пенсия – минималка, а на что пить – находит. Я год назад заезжал к нему. Больше двух дней не вытянул, хотя планировал на неделю. Других не знаю, хотя, наверное, тоже кто-то есть. С родственниками мамы мы както не общались. Мама рано умерла. Я еще в школу не ходил. Родные мачехи вас, полагаю, не очень интересуют, но я, став взрослым, с ними и не встречался. Сама мачеха умерла в прошлом году, когда я в госпитале лежал, поэтому на похороны поехать не смог. Я был весь в гипсе, и носили меня только на носилках. Родственники по отцовской линии большей частью живут в Дагестане. В Москве я слышал про одного, но ни разу с ним не встречался. Извините, я понимаю, товарищ полковник, что вас интересует. Да, мой двоюродный брат Абдулмалик Валидов, насколько я знаю, амир большого и сильного джамаата. Кличка амира – Валидол. Думаю, так его все за глаза зовут. Брат считается среди других бандитов весьма авторитетным и влиятельным человеком. Он таким и раньше был, еще до того, как в горы ушел. Я однажды спрашивал одного пленного бандита. Он моего брата знал только понаслышке, но отзывался о нем с уважением. По официальным данным, на счету его банды несколько террористических актов. Хотя, по моим данным, против простого населения Абдулмалик не воюет и террористические акты совершал только против ментов. И еще против представителей власти, против разных чиновников из местной администрации. Там, в Дагестане, обстановка сложная. Люди властью

недовольны, особенно той ее частью, что держит в руках оружие. Жизни людям не дают. Я ментов имею в виду…

– Полицию…

– Да, полицию. – Поправка совершенно не смутила старлея. – Впрочем, их по привычке все еще ментами зовут. Особенно там, в горах, на Кавказе. Там это очень презрительное слово. У меня есть основания утверждать, что во многом такое отношение заслуженное.

– Ты сам, кажется, недавно был в Дагестане? Или даже сейчас оттуда?

– Так точно, товарищ полковник. Полугодовая командировка. Была запланирована как обычно, а пробыл только четыре с половиной месяца. Отозвали сюда. Ранее дважды в Чечне был и один раз в Ингушетии. Это за последние годы.

– С братом не встречался?

– Никак нет. Даже попытки не предпринимал. Привет ему, естественно, тоже передать возможности не имел.

– А вообще с ним встречался?

– В последний раз, когда на последнем курсе училища учился. И мой отец еще жив был, и отец Абдулмалика тоже. Вместе они к нам приезжали. Пообщались, поговорили, и все. А я у них в селе Тахчурмахи был еще ребенком, но все хорошо помню. И бабушку покойную помню, она с ними жила.

– Как Абдулмалик переводится? Его имя что-то значит?

– Абдулмалик – «раб владыки».

– Еще родственники в Дагестане есть?

– Из близких – дядя и еще один брат отца, самый младший, Валид Валидов. Но он душевнобольной, инвалид первой группы, семьи, понятно, не имеет, живет в Каспийске. Большую часть жизни провел в психиатрической больнице. Временами, в периоды обострения, становится буйным и опасным. Тогда его в больнице надолго закрывают. По полгода держат, а после лекарств полусонного выпускают. Соседи следят за ним внимательно. Только что-то не так, сразу звонят, и дядю снова увозят. Он уже и сам от такой жизни измучился, и других измучил. Мы только однажды виделись, когда я ребенком был. Кроме него, есть еще более дальние родственники, в Тахчурмахи, в основном, живут, но с теми я никогда контактов не имел, и даже не знаю, где их искать.

– Ну, и что же, может быть, придется поискать, – неожиданно проговорил чей-то голос из-за спины.

Старший лейтенант Валидов обернулся. В дверях стоял, держась за ручку, командующий войсками спецназа ГРУ полковник Мочилов. Гази сразу узнал его, хотя видел только мельком во время совместных с французскими парашютистами антитеррористических учений [5]. Командующий взял

---

[5] Во Франции парашютные войска считаются элитным подразделением национального спецназа. Традиционно принято считать, что по подготовленности и по боевым качествам они уступают только Иностранному легиону, в который набираются бойцы, преимущественно проходившие службу в частях спецназа других стран. В конце восьмидесятых годов прошлого века после горбачевской попытки уничтожения российского спецназа во Французский иностранный легион хлы-

тогда на себя роль командира батальона, хотя за время штабной работы давно, как тогда все думали, должен был потерять боевую форму. Но он не потерял и показал себя прекрасно. Гораздо лучше многих молодых и амбициозных французских офицеров, кстати, свои амбиции после учений растерявших.

Командующий шагнул вперед.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – Старший лейтенант снова вытянулся по стойке «смирно», даже каблуками по-гусарски щелкнул, поскольку отдать «честь» без головного убора не мог, согласно уставу внутренней службы.

– Что-то лицо твое знакомо мне, старлей. Встречались? – здороваясь, протянул руку Мочилов.

– Во Франции вместе были, на учениях, товарищ полковник.

– Понятно. Загоняли вы меня там.

– Или вы нас. Этот вопрос пока остался открытым.

– Или мы все вместе загоняли французов, чтобы никому обидно не было.

– Зато они потом, для восстановления дыхания, хорошее вино привезли.

нули бойцы из СССР, тогда еще существующего. Так, в легионе, базирующемся в Джибути, вынуждены были даже создать отдельный русский взвод. Однако этот взвод почти в полном составе дезертировал и уехал в Боснию, где был сформирован так называемый русский черный батальон, воевавший на стороне сербов. Обжегшись на этом опыте, французы больше не предпринимали попыток создавать отдельные боевые единицы из представителей одной национальности.

– Было дело. Уважили…

* * *

Вводная на учения была простая, почти стандартная [6]. Условные террористы захватили здание и взяли в заложники местных жителей. Роль террористов исполняли тоже французские парашютисты. Другая группа парашютистов, вместе с российскими спецназовцами, получила задачу освободить заложников и «захватить» или «уничтожить» террористов.

Все было просто и ясно на бумаге, но при десантировании французский пилот ошибся и выбросил группы на пятьдесят километров в сторону от заданного участка, находившегося в десяти километрах от «захваченного» здания. Итого, расстояние от места высадки до точки предполагаемого приложения сил было шестьдесят километров. Командующий французской группой генерал хотел было отказаться от продолжения учений, но полковник Мочилов возразил:

– А разве в реальной обстановке пилот не может ошибиться? И что тогда? На пенсию всем составом уходить?

Предложение российской стороны было одно – марш-бросок до объекта. Французы взвыли – им такой марш-бросок и во сне не снился. Слишком мало времени дано во вводной на преодоление дистанции. Время-то выделялось на де-

---

[6] Действительные события нескольких лет давности.

сятикилометровый, а не на шестидесятикилометровый путь. Но пришлось согласиться. Полковник Мочилов к выделенному времени на преодоление расстояния приплюсовал время, выделенное на боевое развертывание и разведку, и у него получалось, что, если очень постараться, то можно и успеть. Хотя, конечно, выложиться придется до предела. Но свой предел человеку знать не дано, так что надо попытаться.

Побежали. В полной выкладке, вымеряя путь по азимуту, поскольку военных карт такого удаленного участка они не имели, а гражданские карты были настолько плохи, что помогали ориентироваться только по названиям населенных пунктов, через которые пролегал путь. Но если французы привыкли бегать аккуратно по дорогам, где трудно обувь испачкать, и хотели именно такие дороги искать, то российский спецназ выбирал путь самый короткий, через поля и леса, по зимней французской слякоти и грязи.

Французы взмолились о привале, когда была пройдена только четверть пути. Дышали, как продырявленные кузнечные меха. Они к такому темпу передвижения не привыкли и даже обдумывали, где в этих местах можно раздобыть несколько автобусов, чтобы с комфортом доехать. Додумать не успели. После короткого отдыха Мочилов, взяв на себя командование, несмотря на присутствие французского генерала, поднял весь отряд и снова погнал его к цели. Французы «сдохли», полностью и окончательно, после тридцати километров и попросту отказались бежать дальше. Значительная

часть парашютистов, не меньше трети, вообще уже сошла с дистанции и безнадежно отстала вместе с генералом. Здесь уже Мочилов мог командовать по полному праву. И он отдал приказ бросить коллег и хозяев и продолжать движение колонны только одними силами спецназа ГРУ. Таким образом, российская группа прибыла к объекту в самый последний момент, когда времени на полноценное развертывание и разведку, согласно предварительному плану, уже не оставалось. Спецназ ГРУ атаковал с ходу, ориентируясь по обстановке и не дав условному противнику опомниться и подготовиться. «Террористы» тоже, видимо, получили информацию об ошибке летчиков и готовились праздновать свою победу. Оказалось, слишком рано. Но тут случился новый казус. Ворвавшись в здание, «террористов» нашли быстро. Они и не прятались, сами желая встречи. Завязался рукопашный бой. При этом атакующие были в меньшинстве, хотя по классической военной теории атакующих должно быть как минимум в три раза больше, чем обороняющихся. Это, впрочем, никого не остановило. «Рукопашка» получилась серьезная, особенно для французов. Беда в том, что ни полковника Мочилова, ни российских офицеров, ни, естественно, солдат никто заранее не предупредил, что французы проводят свои занятия по рукопашному бою, обходясь условными ударами. То есть только демонстрируют намерения, и это считается атакой и ударом. А в спецназе ГРУ даже простые занятия проходят в полном контакте. Может быть, удары наносятся

не с максимальной силой и резкостью, и если бить приходится чем-то, скажем, лопаткой или прикладом, то удар в этом случае опять же не наносится, чтобы не изувечить друг друга. А руками же и ногами, с применением всех видов бросковой техники, можно орудовать от всей души и так, как позволяет индивидуальная человеческая совесть. Россияне и орудовали. Французов быстро «положили», но услышали от них много обидных слов, которые переводчик предпочел не переводить, из-за чего возникло некоторое недопонимание. И только при подведении итогов, когда высказывались претензии, стало понятно, что такой «рукопашный бой» для французских парашютистов неприемлем. Они не ждали такой силовой атаки, настолько силовой, и были просто смяты и раздавлены. А потому и обижены. Французы резко разграничивали учения от действительных боевых действий, в которых им участвовать пока не приходилось. Примирение произошло даже не после объяснения, что в спецназе ГРУ все учебные занятия проводятся таким же образом, а на большом общем банкете, которым завершились учения. Слишком хорошее местное вино привезли французы, чтобы после него помнились обиды…

* * *

Полковник Мочилов ждал важного телефонного звонка и потому, не имея штатного адъютанта, который позвал

бы к телефону, пригласил полковника оперативного отдела и старшего лейтенанта Валидова в свой кабинет. Идти, впрочем, было недалеко. Там, за длинным столом, заваленным топографическими и спутниковыми картами, разговор и продолжили. В курс дела старшего лейтенанта вводил полковник оперативного отдела, к которому ему было приказано прибыть, но чью фамилию он не запомнил, потому что просто не расслышал ее. Дежурный по управлению, отводивший старшего лейтенанта в кабинет, говорил, одновременно сморкаясь в платок, и разобрать слова было трудно. А сам полковник, похоже, считал, что его все должны знать, и не представлялся. Полковник Мочилов называл полковника оперативного отдела Олегом Степановичем, но старшему лейтенанту из бригады казалось, что он называть так старшего офицера не имеет права, не нарушая субординацию. Поэтому приходилось говорить просто «товарищ полковник», но и этого хватало для выяснения любого вопроса.

– Ты, старлей, слышал, наверное, про громкие московские убийства последней недели. Три человека. Сначала сенатор от Чечни, потом подполковник нашей службы, Герой России, и его дочь. Слышал, надеюсь? – говорил полковник оперативного отдела.

– Никак нет, товарищ полковник, не слышал. Мы же от Москвы за две с лишним тысячи километров располагаемся. До нас слухи не сразу доходят.

– Телевизор, что ли, не смотришь? По всем каналам в каж-

дых новостях жужжали.

– Никак нет, товарищ полковник, телевизор не смотрю из категоричного принципа, – пожал плечами старлей. – Считаю его морально вредным агрегатом, гораздо более вредным, чем самогонный аппарат.

– Мнение справедливое, – согласился полковник Мочилов. – А главное, красиво высказано. Красочно. После такого захочется граненый стакан самогонки громыхнуть и, пока закусить не успел, спешно телевизор в окно выбросить. Но мы сейчас алкогольную тему развивать не будем, поскольку у нас задача стоит несколько другая. Докладывай дальше, Олег Степанович. Расскажи нам про убийства, хотя ты от журналистики и далек.

– Два человека убиты одним и тем же, согласно заключению экспертизы, оружием. Причем во втором случае на ране, смертельной ране, замечу, нанесенной подполковнику Серегину, обнаружились засохшие остатки крови, принадлежащей другому человеку, убитому днем раньше. Оба погибли от удара сверху в темечко острым металлическим штырем. Возможно, применялся какой-то экзотический вид оружия, возможно, просто заточка, но оба удара были смертельными. Экспертиза подтвердила, что действовал один и тот же человек, используя одно и то же оружие. Специалисты МВД делают вывод, что киллер был не профессиональным, поскольку профессионал от орудия убийства постарался бы избавиться сразу, ему ни к чему таскать с собой такую улику. В первом

случае были подозрения, что киллер – женщина. После второго случая версия подверглась сомнению. Женщине трудно справиться с таким подготовленным человеком, как подполковник Серегин. Здесь должен был действовать профессионал высокого класса, прекрасно подготовленный физически.

– Про Серегина я что-то слышал, – заметил Валидов. – Но он не из нашей бригады. Не мне специально говорили, но разговор шел при мне. Два старших офицера разговаривали, которые его лично, похоже, знали, а я случайно подслушал, но переспрашивать у старших офицеров посчитал некорректным. А дочь подполковника? Она какое место во всей этой истории занимает?

– Она была дома с отцом, – вздохнул Олег Степанович. Он, похоже, не любил, когда ему вопросы задавали. – Девочка тринадцати лет. Ей сломали шейный позвонок. Профессиональный прием, что еще раз подтверждает версию о профессионализме преступника. Серегин, видимо, пытался сопротивляться, может быть, просто хотел отмахнуться, но защитить себя не успел. Однако при этом нанес травму убийце. В квартире обнаружены следы крови, не принадлежащей ни подполковнику, ни его дочери. Впрочем, ДНК крови нам ничего не дает, сравнить не с чем. Но в том и в другом случае присутствует странная вещь, я бы сказал, визитная карточка, – картинка с изображением почти полностью обнаженной женщины-воительницы и подпись «Валькирия». Можно было бы предположить, что такую визитную карточку спе-

циально подбрасывали, чтобы увести следствие в сторону и направить на поиски женщины. Напомню, в первом случае в деле присутствует женщина. И в том же первом случае эта визитка обнаружена в сумочке той самой женщины, оставленной на столике в ресторане. В дамскую сумочку подбросить такую вещь сложно, хотя для профессионала невозможных вещей не бывает. Короче говоря, старлей, у меня в кабинете ксерокопия всех материалов следствия. Там много бумаг, но тебе придется их прочитать, чтобы подробно ознакомиться со всеми материалами.

– Меня переводят на службу в Следственный комитет? – спросил старший лейтенант, вопросительно вскинув густые брови и глядя на командующего.

– Дело в том, Гази Талгатович, – улыбнулся Мочилов, – что мы располагаем конкретными сведениями о том, что к покушению на подполковника Серегина мог приложить руку и даже искал исполнителя некий Абдулкадыр Низамович Нуцалханов, правая рука твоего двоюродного брата. Серегин собственноручно уничтожил старшего брата Нуцалханова, Омахана Низамовича, тоже известного бандита. Мы на это внимания бы не обратили, если бы у Абдулкадыра Нуцалханова не было серьезного родственного конфликта с тем же сенатором от Чечни, который в результате этого конфликта был объявлен его «кровником». И вообще мы бы оставили это дело в ведении ФСБ и Следственного комитета, если бы до нас не дошли слухи о том, что Абдулкадыр Нуцалханов

бросил клич – если кто-то желает отомстить русским гяурам, обращайтесь к нему, он за соответствующую плату готов помочь. Маленький бизнес Нуцалханова опять же мог бы оставить нас в стороне, но мы получили достаточно точные сведения, что в его списках есть несколько офицеров спецназа ГРУ. Необходимо обеспечить их безопасность, и мы надеемся сделать это с твоей помощью.

– Каким образом? – не понял старший лейтенант. – Я в окружение брата не вхож, никаких контактов ни с ним, ни с его окружением не имел. А если попытаюсь выйти на контакт, все сразу станет ясно. Я не думаю, что Абдулмалик прикажет меня расстрелять, но работать там я не смогу, потому что не попасть под подозрение мне будет просто невозможно.

– Согласен, – кивнул командующий. – В этом вся сложность. Но ты же должен знать, Гази Талгатович, что трудности создаются исключительно для того, чтобы их обходили, и нет в природе, просто не существует такой трудности, которую невозможно было бы обойти. Как нам убрать все подозрения со стороны твоего брата?

– Как, товарищ полковник? – переспросил старший лейтенант.

– Очень просто. Но подумай сам, приучайся сам искать выход.

– С самого детства, товарищ полковник, этим занимаюсь. У меня мачеха была, как та, из сказки, и мне приходилось

всегда искать выход при ее придирках. Обычно находил такой, что отец на мою сторону вставал.

– А сейчас?

– А сейчас я бы предположил, что лучшим вариантом окажется тот, при котором Абдулмалик будет искать меня сам, чтобы я ему в чем-то помог.

– Ты прав только наполовину, – вмешался в разговор Олег Степанович. – Хотя, возможно, мы не в курсе ваших межличностных отношений. Но как тебе понравится вариант, при котором, наоборот, брат будет тебя искать, чтобы тебе помочь?

– У нас с ним были прекрасные отношения. Он на четыре года старше меня и, по старшинству, не раз помогал мне. Но чтобы захотел помочь без просьбы с моей стороны, мне необходимо будет попасть в большую и почти настоящую беду или действительно в настоящую.

– Ну уж это-то мы тебе организовать сможем, – цинично заявил Олег Степанович.

– Только, желательно, товарищ полковник, чтобы это было организовано аккуратно. Без дальнейших последствий.

– Постараемся, – вяло пообещал полковник оперативного отдела…

Глава вторая

1

Неделя ушла на обучение работе со спецтехникой и на установку этой самой так называемой спецтехники в трубку сотовой связи Гази. Активация самого прибора должна была быть проведена без его участия через спутник связи. Когда это произойдет, Валидову не сказали, но пообещали включить вовремя. Навыки обучения и практические знания можно было бы и за день получить, задерживала сама установка оборудования, там работа чрезвычайно тонкая. И только после ее окончания старшему лейтенанту Валидову разрешили вернуться к своему взводу. Но предупредили на прощание:

– Будь готов ко всему. Поддавайся, как говорится, на провокации, но меру тоже знай.

Олег Степанович карты до конца не открывал даже перед главным действующим лицом в спектакле, который должен был быть разыгран по его сценарию. И сам сценарий пока дать на прочтение не желал.

– Согласовать со смежниками требуется. Очень аккуратно. У смежников есть утечка информации. Нельзя допустить, чтобы и тебя «слили»…

– А кто смежники?

– Пока это ФСБ. Но, вероятно, мы смежников сменим, и будешь работать со спецназом внутренних войск, а то и вовсе с местными ментами. Как получится. Но не исключай и одиночную работу.

– Местные ненадежны, слишком жадны и вороваты.

– А нам именно такие и нужны. Иначе как тебя спровоцируешь!

– Когда ожидать начала?

– Думаю, завтра с утра. И еще важный момент. По завершении ты должен будешь уйти от брата, но уйти так, чтобы оставить себе возможность вернуться. Например, к семье уедешь или что-то подобное, может быть, даже самое невероятное, такому легче верят.

Так и улетел старший лейтенант Гази Талгатович Валидов, не получив полной информации. Летел он снова спецрейсом, правда, теперь уже не специально для него выделенным самолетом, а попутным военно-транспортным. Гонять порожний самолет из-за одного человека командованию показалось накладным. Хватило и того, что в Москву доставили таким образом. На аэродроме его встретила машина, которая сразу отвезла в военный городок, где временно квартировался отряд спецназа. Не заглянув в казарму к своему взводу, хотя именно туда тянуло сразу пройти, Валидов направился в штаб, чтобы доложить о прибытии командиру бригады, в этот раз лично возглавляющему отряд спецназа. Но полков-

ника на месте не оказалось, он выехал с двумя взводами на прочесывание участка леса, где видели вооруженных людей, и должен был вернуться только ночью. Но там же, в штабе, встретился старший лейтенант Ларин и рассказал Гази Талгатовичу, как завершилась операция, с которой Валидова так срочно сняли. Силами спецназа была обнаружена заминированная база боевиков. Сами бандиты уже ушли, но спецназ обнаружил следы и двинулся в преследование. Бандитов застали в пределах четырехчасового перехода во время привала. Их было семь человек. Все прекрасно вооружены и хорошо обучены. Атаковали их сразу, двоих удалось уничтожить, остальные пытались уйти. Два солдата взвода Ларина и один солдат взвода Валидова были легко ранены, но строй не оставили. Бандиты пытались прорваться в лесные массивы, но их не пропустили, погнали в глубину ущелья, где их ждал каменный мешок – тупик. Судя по отчаянным попыткам бандитов прорваться в любую другую сторону, они знали, куда их гонят, но поделать ничего не могли, слишком велика была разница в силах. А там, в этом каменном мешке, бандитов уничтожили минометным обстрелом. Дивизион минометчиков вызвал в подкрепление полицейский спецназ. Те прилетели на большом вертолете Ми-26, чем спецназовцы и воспользовались, и, оставив минометчиков под охраной полицейского спецназа, улетели этим же вертолетом. Таким образом, операция была завершена успешно. Раненых солдат представили к награде. В документах на представление необ-

ходима была только подпись старшего лейтенанта Валидова.

Пришлось еще раз к начальнику штаба отряда наведаться, а потом и в канцелярию, чтобы эту подпись поставить. И только после этого Гази Талгатович сумел пойти к своему взводу, который находился на практических занятиях по обнаружению скрытых взрывных устройств. Занятия проводил старший сержант Кологривцев, который в этом аспекте службы был признанным авторитетом среди солдат взвода. Минные муляжи и муляжи «растяжек» были установлены на небольшом лесистом участке неподалеку от забора, отгораживающего военный городок от домов частного сектора. Старший лейтенант пришел в разгар занятий и, не прерывая их, сразу включился в процесс. Все пошло нормально и размеренно, как и шло бы без этой поездки в Москву. Хотя мысли о поездке и о том, что предстоит сделать, невольно возвращались. И среди них закрадывалась одна нехорошая мысль о том, что Олег Степанович не на Абдулкадыра Нуцалханова зубы точит, а на самого Абдулмалика Валидова.

Как человек хотя бы наполовину восточный, Гази Талгатович родственные отношения ценил и уважал и вообще к предательству, даже не к предательству родственника, а к предательству чужого человека относился категорически отрицательно. А уж предательство брата было для него неприемлемым. При этом воспитанный с детства в понятии своего военного призвания, уверенный, что пойдет по стопам отца, он всегда трепетно относился к приказам, и это так прочно

вошло в его кровь и дух, что отказаться от их выполнения было для него немыслимым.

Но пока проблема не стоит остро, ее нельзя заострять искусственно, иначе можно довести себя до нервного истощения. Осознав это, старший лейтенант Гази Валидов понял, что уйти от раздумий и опасений можно только одним способом – углубившись с головой в работу. Его работа была внешне проста, но достаточно серьезна – он отвечал за подготовку солдат взвода, которым командовал. И избавляясь от своих непрошеных мыслей, загонял себя до предельной усталости. А так как его физическая подготовка, естественно, была значительно выше подготовки солдат, можно представить, в каком состоянии были они, если даже командир взвода к концу дня ног под собой не чувствовал. Именно в таком состоянии Валидова вызвали в штаб.

Думая, что вернулся командир бригады, Гази Талгатович сразу заспешил в кабинет полковника, но дверь кабинета была по-прежнему заперта. Старший лейтенант обратился к дежурному, который за ним и посылал, а тот направил Валидова прямиком к начальнику штаба отряда, дважды повторив слово «срочно». На последнем дежурный особо заострил внимание, зная, что офицеры отряда не любят общаться с начальником штаба. Его обязанности в отряде исполнял заместитель командира бригады по воспитательной работе подполковник Самохвалов, и у него был свой маленький бзик – гигантское, потрясающее и ни с чем не сравни-

мое уважение к уставам и всякого рода инструкциям. А любые части спецназа – это всегда некоторая казачья вольница, где многое себе позволяют и в отношении формы одежды, и особенно в отношении оружия. Так, например, в мирное время пулемет по штатному расписанию не полагается взводу, а полагается только роте. А условия контртеррористической операции не считаются военным временем, хотя действия ведутся боевые, и проводятся часто силами войсковыми, а не только силами охраны правопорядка. Но целиком рота выступает только в исключительных случаях, а в условиях, когда приходится вести поиск в местах, где легко нарваться на засаду, пулемет на передовой позиции просто необходим хотя бы для того, чтобы прострелять подозрительные кусты далеко впереди. Автомат такого «вычесывания» кустов осуществить не сможет, и потому каждый взвод, как самостоятельная боевая единица, старался обзавестись собственным трофейным пулеметом. И не только старался. Каждый взвод такое вооружение имел, а то и два, и даже три пулемета на взвод. Это позволяло проводить операции с наименьшими потерями. Но, если уставом и инструкцией это не предусмотрено, то бзик начальника штаба вступал в силу и спорные ситуации иногда не удавалось разрешить даже через командира бригады, которому самому не всегда нравились принципы заместителя.

Подполковник Самохвалов сидел за столом, заваленным бумагами и картами, и следовало бы, наверное, удивиться

его замечательной памяти, потому что нормальному человеку в этом ворохе невозможно было бы ничего найти, когда потребуется, а он находил всегда сразу и точно. После того как прозвучал сначала стук в дверь, потом приглашение и Валидов вошел, по-уставному доложив о своем прибытии, Самохвалов, нацепив очки, стал рыться в бумагах и быстро нашел нужную.

– Я не совсем, Валидов, понимаю, почему в наших боевых мероприятиях командование осуществляется из Москвы, тем не менее не имею права не подчиниться. Короче говоря, в четыре тридцать утра завтра выезжаешь со своим взводом на операцию. Вливаешься в отряд спецназа внутренних войск и полицейского спецназа. Машина подойдет к воротам ровно в указанный срок. К тому времени взвод должен быть готов к погрузке и ждать у проходной. Все понял?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Тогда иди, отдыхай. Ты, я слышал, только недавно с самолета. Тогда тем более отдыхай. Подожди… – Глаза Самохвалова вдруг загорелись любопытством. – А скажешь мне, старлей, что за дела такие заставляют командующего, обходя твое непосредственное начальство, распоряжаться судьбой твоего взвода?

– Не скажу, товарищ подполковник, – позволил себе слегка шутливый тон старший лейтенант, что вообще было не в его характере.

– И правильно, – согласился Самохвалов. – Значит, я

дольше проживу…

Вывод был вполне резонным, верным и жизненным. Подполковник Самохвалов не первый год служил в военной разведке и толк в службе понимал. Хотя иногда и достаточно своеобразно…

* * *

Утро было не просто прохладным, а холодным не по-летнему. Но вторая половина августа, по сути, и не является летним временем года. На траве и кустах не было росы, а это значит, что холода обещают задержаться на продолжительное время, хотя ветер дул южный, но он приходил сверху, с более высоких гор, даже летом покрытых снегом, и потому тепла не нес.

Смежники не приучены, видимо, были работать так, как привык работать спецназ ГРУ. По крайней мере временной график они не выдерживали, и машина пришла только в четыре пятьдесят восемь. За рулем тентированного грузовика сидел старший прапорщик полиции, и одно это не обещало точности в соблюдении графика. Полиция в сложных ситуациях всегда долго раскачивается, надеясь, что найдется другой, кто ее заменит. Но приходилось мириться с приказом и работать в тех условиях, в которые тебя ставят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.